

В.И. ДАЛЬ В ОРЕНБУРГСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепрпетровске. Вместе с семьёй в 1941 году переехала в Оренбург. Окончила Ленинградский государственный университет. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН Узбекской ССР, академик АН Узбекистана, действительный член Международной академии истории науки. Преподавала в Оренбургском государственном педагогическом университете. Член Союза писателей России, автор многих работ по истории края. Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка», Шолоховской премии «Они сражались за Родину», дважды лауреат премии «Оренбургская лира», премии им. В. Правдухина альманаха «Гостинный Двор»(2009). Живёт в Оренбурге.

Оренбург, основанный в 1743 г. как город-крепость на реке Яик, сразу стал главной точкой соприкосновения России с Востоком. Здесь сходились пути караванной торговли, отсюда отправлялись русские дипломатические миссии в ханства Средней Азии, сюда прибывали посланцы восточных правителей. Более ста лет Оренбург оставался важнейшим постом охраны юго-восточной границы России от вооружённого нападения извне [1].

Чтобы успешно решать нелёгкие задачи внешней политики и торговли, необходимо было хорошо узнать восточных соседей — изучить географию и составить карту центрально-азиатского региона, освоить языки населявших его народов, ознакомиться с их характером и бытом. Это поняли и последовательно осуществляли «устроители» и первые начальники Оренбургского края И.К. Кирилов (1689-1737), В.Н. Тагищев (1686-1750), И.И. Неплюев (1693-1773). Вместе со своими помощниками по управлению краем П.И. Рычковым (1712-1777)

и А.И. Тевкелевым (1675-1766) они сделали Оренбург центром практического востоковедения.

Но почти одновременно город становился также одним из центров научного востоковедения ориенталистики, которая изучает историю, литературу, памятники материальной и духовной культуры народов Востока. В XVIII в. эти исследования велись главным образом в Петербургской Академии наук. Начало научному востоковедению в Оренбуржье было положено в 1737-1739 гг., когда в должности начальника края находился выдающийся государственный деятель и учёный, первый русский историк В.Н. Татищев. Он был знаком с восточными языками и проявлял большой интерес к историческим судьбам народов Азии, часто переплетавшимся с судьбой русского народа.

Татищев собирал восточные рукописи, стремясь найти в них сведения, касающиеся истории России. Много внимания, например, он уделил сочинению «Родословная тюрков» хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази Бахадур-хана. Он старался организовать перевод трудов восточных учёных на русский язык. С этой целью им была учреждена школа переводчиков при Оренбургской комиссии. Ему принадлежала инициатива создания русско-татарско-калмыцкого словаря.

В этой работе В.Н.Татищеву деятельно помогал его ученик П.И.Рычков, впоследствии первый член-корреспондент Петербургской Академии наук [2],

который позднее продолжил начатое дело самостоятельно. Он писал, что поручил купцам, отправлявшимся из Оренбурга в Бухару и дальше, доставать, «не жалея денег», рукописные книги по истории Востока на арабском и персидском языках. К их переводу он привлекал толмачей, служивших в Оренбурге.

Полученные из восточных книг сведения, а также материалы о Казахстане и Средней Азии, собранные у путешественников, П.И. Рычков использовал в своих сочинениях. Его «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются» содержали важные данные о краях, остававшихся в XVIII в. ещё совсем неизведанными.

В XIX в. востоковедение окончательно оформилось в самостоятельную науку. В России появились учебные и научные учреждения, задача которых состояла во всестороннем изучении Востока. Чётко определились два направления в востоковедении: практическое, подчинённое интересам министерства иностранных дел, и академическое, которое развивалось в Академии наук и университетах – Петербургском, Московском и Казанском.

Оренбургу было суждено объединить оба направления науки о Востоке. Во многом этому способствовала созданная в 1799 г. Оренбургская Пограничная комиссия, в которой видели своего рода филиал Азиатского департамента министерства иностранных

дел России, поэтому её чиновники по долгу службы становились востоковедами-практиками. Среди них прежде всего должен быть назван Г.Ф. Генс, более 20 лет возглавлявший это учреждение.

С другой стороны, ввиду важности внешнеполитической роли, которую играла Оренбургская Пограничная комиссия, её штат пополнялся первоклассными специалистами-востоковедами, которые умели сочетать исполнение своих обязанностей с научными исследованиями. Об этом свидетельствуют биографии известных русских востоковедов — П.И. Демезона (1807-1873), В.В. Григорьева (1818-1881), В.В. Вельяминова-Зернова (1830-1904), И.И. Ильминского и др., которые в разное время служили в Оренбурге.

Большое значение для русско-востоковедения имело открытие в Оренбурге в 1825 г. Неплюевского военного училища (с 1844 г. кадетский корпус) — первого военного учебного заведения, где арабский, татарский и персидский языки входили в число главных предметов обучения. Преподавали их такие знатоки восточных языков, как П.И. Демезон, М.И. Иванов (род. в 1812 г.), С. Кукляшев и др., которые одновременно были переводчиками в Оренбургской Пограничной комиссии.

Необходимо, наконец, отметить, что немалую роль в превращении Оренбурга в крупный центр отечественного востоковедения сыграли военные губернаторы П.П. Сухтелен и В.А. Перовский, которые стремились привлечь к

работе специалистов-востоковедов. Благодаря П.П. Сухтелену в Оренбурге оказался П.И. Демезон. С В.А. Перовским в 1830-х годах сюда приехали из столицы В.И. Даль, а также талантливые братья Я.В. Ханьков и Н.В. Ханьков, которые внесли важный вклад в изучение Востока и прежде всего Средней Азии. Во второй период службы В.А. Перовского в Оренбурге (1851-1857) с ним, кроме Я.В. Ханькова, работали здесь В.В. Григорьев и В.В. Вельяминов-Зернов.

По инициативе В.А. Перовского в дипломатических миссиях в Бухару приняли участие П.И. Демезон, И.В. Виткевич, Н.В. Ханьков, записки которых о Средней Азии имели большое значение как для практического, так и для научного востоковедения.

Серьёзно занимались вопросом востоковедения многие образованные гражданские и военные чиновники, служившие в Оренбурге в это время. Особого упоминания среди них заслуживает В.И. Даль.

По делам службы ему приходилось постоянно общаться с состоявшими в российском подданстве казаками (киргиз-кайсаками) и с представителями Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, вникать в политику этих государств, следовательно, заниматься вопросами, которые относятся к востоковедению. В этой области он приобрёл большие познания. Своим руководителем и наставником В.И. Даль считал Г.Ф. Генса, о котором писал в

1835 г. в газете «Северная пчела»: «Меня здесь Бог натолкнул на клад: не только могу я вам сказать, коли угодно, как зовут хана Бохарского с чадами и домочадцами и весь двор его по имени и отчеству, но почти мог бы взяться отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии, благодаря от всей души учёного и благомыслящего человека, который, не будучи сам в состоянии, по многосложности служебных занятий, воспользоваться собранными им в течение десятков лет записями, поручил мне вывести из-под многолетнего спуда сведения, за которые весь учёный и неучёный мир должен сказать ему, неутомимому собирателю и исследователю, большое спасибо» [3].

Материалы Г.Ф. Генса касались всех сторон жизни совершенно закрытых для европейцев ханств Средней Азии и основывались, главным образом, на рассказах купцов, привозивших товары в Оренбург, и освобождённых российских пленных, которые ранее были похищены и проданы в рабство на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Из цитированной выше статьи мы узнаём, что В.И. Даль собирался обработать и опубликовать эти материалы. «Всё издание моё, — сообщает он, — само собою разделяется на три части:

1. Рассказы русских пленников о Средней Азии, независимой Татарии и Турана и соседственных с ней странах;

2. Рассказы путников и купцов о том же;

3. Объяснения и замечания ко всему к этому, расположенные не отрывками, к которым не знаешь, как приноровиться, отколь подойти, а соединённые в одно целое, в связный рассказ.

Тут же будут приложены родословные Бухарских, Хивинских, Кокандских ханов, Афганских шахов. Не знаю, в каком виде удастся мне издать всё это — но я работаю прилежно и почти половина дела закончена».

Свой план В.И. Даль осуществил, хотя, к сожалению, лишь частично. Он опубликовал в разных периодических изданиях целый ряд рассказов русских пленников: Фёдора Грушина [4], Андрея Никитина [5], Якова Зиновьева [6], урядника Попова [7], Тихона Рязанова [8], портупей-поручика Медяника [9], а также рассказ освобождённых пленников об осаде Герата персами в 1837-1838 гг., в которой им довелось принимать участие [10]. Эти публикации вызвали огромный интерес у современников. Известный востоковед П.С. Савельев, упоминая «статьи В.И. Даля, составленные из рассказов русских пленных в Хиве», писал, что «для этнографии края они представляют драгоценные данные, каких напрасно будем искать у учёных путешественников, и заслуживали бы быть изданными отдельною книгою» [11]. Н.И. Веселовский отмечал, что эти рассказы были изложены «так мастерски, как умел излагать только Даль» [12]. На основании полученных сведений В.И. Даль

написал статью «Новейшие сведения о Хиве», которая была напечатана в 1839 г. на немецком и русском языках [13].

Много сведений о Хивинском ханстве приводит В.И. Даль в сочинениях, посвящённых зимнему военному походу на Хиву 1839-1840 гг., в котором сам принимал участие. В 1860 г. он опубликовал статью «Военное предприятие противу Хивы» [14], а в 1867 — «Письма к друзьям из похода на Хиву» [15].

В 1836 г. В.И. Даль сделал запись рассказа своего друга прапорщика И.В. Виткевича о его смелой поездке в Бухару, где он собрал много интересных сведений о Бухарском ханстве, его хозяйстве, системе управления, нравах и обычаях народа. Эта «Записка», хранящаяся в рукописи ПФА РАН, была опубликована только в 1983 г. [16].

С большим интересом В.И. Даль относился к казахскому народу, его языку, быту, обычаям. Об этом свидетельствуют как его замечательные литературные произведения на казахские темы «Бикей и Мауляна» [17] и «Майна» [18], так и очерки, носящие этнографический характер, например, «Нечто о кумызе», то есть о кумысе [19]. Глубокие знания зауральских степей он проявил в статье о карте, изданной в Берлине Л. Циммерманом [20].

Не меньшее внимание В.И. Даль уделил Башкирии и башкирскому народу. Уже в 1834 г., вскоре после приезда в Оренбург, он опубликовал в

Дерптском научном ежегоднике на немецком языке статью «Замечания о башкирцах», которая тогда же в сокращённом русском переводе была помещена в «Журнале министерства внутренних дел» [21]. В художественных произведениях Даля оренбургского периода башкирская тематика также играет значительную роль («Башкирская русалка» [22] и др.).

Интерес к фольклору и этнографии татар, башкир, казахов побудил В.И. Даля к серьёзному изучению тюркских языков, знакомство с которыми началось у него ещё во время турецкой кампании 1828-1829 гг. Он систематически занимался татарским языком под руководством оренбургского муллы Абдуллы Давлетшина, а в своих очерках и письмах отмечал сходство и различие между тюркскими языками, разъяснял значение отдельных слов и оборотов [23]. Анализ работ В.И. Даля, проведённый в настоящее время, дал основание причислить его к первым лингвистам-тюркологам [24, с. 83-84].

Нельзя не отметить ещё одну важную заслугу В.И. Даля перед отечественным востоковедением, состоявшую в собирании редких восточных рукописей. Живя в Оренбурге, он общался с людьми, через которых можно было найти рукописи, ценные для науки, и не упускал таких возможностей. Так по просьбе востоковеда академика Х.Д. Френа (1782-1851) он предпринял поиски рукописи сочинения «Родословная тюрк»

хивинского историка Абу-л-Гази Бахадур-хана (1603-1664). Поиски увенчались успехом. В письме к Френу от 1 мая 1838 г. Даль сообщил, что ему удалось через бухарцев приобрести прекрасный экземпляр сочинения, который он затем передал в Академию наук. Его находка была особо отмечена в академических протоколах и научной печати. Исследованием этого важного исторического документа занялся П.И. Демезон, который впоследствии, в 1871-1874 гг., опубликовал его текст с французским переводом и комментариями.

Как видно из материалов ПФА РАН, в 1840 г. Даль «представил для Академии рукопись, содержащую часть турецкого перевода исторического сочинения известного Табери», а в 1842 г. передал «в дар Академии для Азиатского музея десять восточных рукописей».

Самым ярким свидетельством интереса В.И. Даля к востоковедению и его хорошего знания восточных языков являются выполненные им переводы на русский язык татарских легенд «Жизнь Джингиз-хана» [25] и «Повествование об Аксаке Тимуре» [26]. Первый перевод был опубликован в 1835 г. в журнале «Сын отечества и Северный архив», второй — в 1838 г. в газете «Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду»».

В примечаниях к легенде о Джингиз-хане В.И. Даль сообщает, что перевод был сделан с татарского текста, опубликованного

в 1822 г. адъюнктом восточной словесности Казанского университета Ибрагимом Хальфиним (1778-1829), который заимствовал сказку «из какой-то старинной рукописи, отысканной в татарской деревеньке» [25, с.227]. Далю понравилась эта легенда, которая, «как все сказки, основана на некоторых исторических событиях, перемешана с баснословными преданиями, разукрашена необычайностью всякого рода и искажена странными уносчивого восточного воображения... Сказка эта вещь неважная, но наравне со многими подобными заслуживает, кажется, быть тиснутою, хотя бы только в повременном издании» [там же]. Примечательны слова Даля: «Стыдненько, что мы доселе не много ознакомились с непространною словесностью азийских народов или около Белой Руси обитающих» [там же].

В.И. Даль выражает уверенность в точности своего перевода и называет тех, кто помогал ему, — Абдуллу Давлетшина и преподавателя Неплюевского военного училища Мартиниана Ивановича Иванова. «Кажется, перевод верен и близок, — пишет он, — впрочем, подлинник во многих отношениях сбивчив и неясен, да притом и словаря татарского у нас в России нет вовсе. Я ссылаюсь во всё, что сделал, на муллу Абдуллу и на учителя татарского языка при Неплюевском военном училище г. Иванова, который со всегдашним радушием и готовностью нередко служил мне, так сказать, живым словарём» [там же].

Приведём небольшой отрывок из этой сказки, иллюстрирующий достоинства перевода. В нём идёт речь о том, как красавица Буртакучюн спасла четырёх мальчиков из непокорных родов, которые по приказу Джингиз-хана были вырезаны, и хан, узнав об этом, приказал привести ослушницу. «Буртакучюн, отвечав на это «хорошо, иду», встала, накинула хребтовую соболью шубу нараспашку, а на неё башмет алого шёлку, надела на голову шапку чернобурой лисы и взяла утаённых четырёх ребятёнок с собою. А ребятам тем было которому одиннадцать, которому тринадцать, а которому и четырнадцать годов, и собою бесконечно пригожи. Сама же Буртакучюн была пятерицею пригоже их, и в то время не было человека, выдавшего подобную красавицу; только всемогуществом Божиим могла быть создана таковая. Волосы у неё были в сорок сажень маховых, и две прислужницы, склав их в золотые чаши, несли их за нею

вслед... Хан, увидев красоту её и долгий волос, изумлялся; однако же сказал: «Гой, Буртакучюн, для чего ты, утаив детей этих, стала мне виновата воровством?» И Буртакучюн умильно молвила: «О хан! Из сожаления к тебе утаила я их и сделала». И Джингиз-хан спросил: «Да почему же ты меня жалела?» Она же отвечала: «О, хан мой, тяжело будет душе твоей, так я подумала... Ты, будучи ханом, не раб всевышнего Бога? И сам лев даже, хотя он и зверь лютый, гонится за добычею вперед, а за тою, которую уже миновал, назад не кидается, а дарует ей волю. Хан мой, ты человек. Итак, даруй жизнь мне и детям этим! Мечь — дело низкое, чернь, не щадящая достоинства, погубила бы и их при общем убийстве, а потому, чтобы не истребились роды их и племена, я их сокрыла». Тогда Джингиз сказал: «Гой, ради убедительных речей странного, как море, сердца твоего дарю им жизнь и свободу от сотни тысяч смертей».

Литература и источники

1. Матвиевский П.Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII-XIX веков. Оренбург: Оренбургская книга, 2005.
2. Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Пётр Иванович Рычков (1712-1777). М.: Наука, 1991.
3. Даль В.И. О бухарском хане // Северная пчела. 1835. № 15.
4. Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Фёдора Фёдорова Гру-

- пина // Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». 1838. № 5. С. 881-885.
5. Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Утренняя заря. Альманах, изд. В. Владиславлевым. 1838. С. 188-211.
 6. Даль В.И. Рассказ пленника из Хивы Якова Зиновьева (с изустного рассказа) // Санкт-Петербур-

ские ведомости. 1839. № 22-24.

7. Даль В.И. Рассказ урядника Попова// Там же.

8. Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова// Утренняя заря. Альманах за 1839 г. (изд. В. Владиславлев). СПб, 1839. С. 74-92.

9. Даль В.И. Известия о Хиве, взятые из рассказов кизильского гарнизонного батальона португальского поручика Медяника, бывшего в плену у хивинцев// Литературная газета. 1840. № 4.

10. Даль В.И. Осада Герата, по рассказам пленников// Собр. соч. 1861. Т. 2.

11. Савельев П.С. Путешествие г. Базинера через киргизскую степь// Геогр. известия, издаваемые Рус. Геогр. об-вом под ред. В.В. Григорьева. СПб, 1849. Вып. 4. С. 157-171; Вып. 5. С. 206-212.

12. Веселовский Н.И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах// Матер. для описания Хивинского похода 1873 г. Ред. В.Н. Троицкий. Ташкент. 1881. С. 1-9.

13. Даль В.И. Новейшие известия о Хиве// Сын отечества. 1839. С. 11-18.

14. Даль В.И. Военное предприятие противу Хивы// Чтения в Об-ве истории и древностей российских. 1860. № 1. Отд. II. С. 147-166.

15. Даль В.И. Письма к друзьям из похода на Хиву// Рус. архив. 1867. № 3.

16. Записка, составленная по рас-

сказам оренбургского линейного батальона прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно// Записка о Бухарском ханстве. Отчёты И.В. Виткевича/ Отв. ред. Н.А. Халфин. М.: Наука, 1983.

17. Даль В.И. Бикей и Мауляна// Библия для чтения. 1836. Отд. I. С. 171-259.

18. Даль В.И. Майна// Москвитянин. 841. № 10. С. 340-404.

19. Даль В.И. Нечто о кумызе// Журн. мин-ва внутр. дел. 1843. Ч. I. С. 138-145.

20. О карте Зауральских степей, изданной в Берлине// Отеч. записки. 1841. Т. 19. № 11-12. С. 32-47.

21. Даль В.И. Замечания о башкирцах// Журн. мин-ва внутр. дел. 1843. Ч. XIII. СПб, 1834. С. 293-313.

22. Даль В.И. Башкирская русалка// Москвитянин. 1843. Ч. I. № 1. С. 97-119.

23. Емельченко И.Р. В.И. Даль и восточные языки// Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974. С. 164-196.

24. Модестов Н.Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге// Труды ОУАК. Вып. 27. Оренбург, 1913.

25. Даль В.И. Жизнь Джингиз-хана. Татарская сказка (Перевод с татарского)// Сын отечества. 1835. Т. 47. № 4. С. 195-230.

26. Даль В.И. Повествование об Аксаке Тимуре. (С татарского)// Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». 1838. № 45. С. 881-885.